

«НЕ НАКАЗАННЫЙ СЫН — бесчестье отцу»

И. Медведева, Т. Шишова

1 июня 2010 года, в День защиты детей, официально стартовала кампания, направленная на отмену наказаний детей. Для тех, кто, как теперь выражаются, «в теме», это не было неожиданностью. «Разведка боем» началась заранее. В Интернете была вывешена брошюра «Искоренение телесных наказаний у детей», изданная Советом Европы (ознакомиться с ней можно, например, на сайте juvenilejustice.ru). Появилась она и в печатном виде. Месяца за полтора до этого прошёл телемост «Россия — Франция», целью которого было создать общественное мнение о недопустимости физического наказания в семье. «Промывка мозгов» в этом телемосте шла по двум основным направлениям: во-первых, внушалось, что ужасающий рост насилия в обществе — прямое следствие того, что будущего насильника в детстве шлёпали или ставили в угол, и, во-вторых, что ребёнок — точно такой же человек, как и взрослый, и потому родители не имеют никакого права его наказывать.

По поводу первого тезиса любой человек с нормальным интеллектом может возразить, что в старину детей не только шлёпали, но и секли розгами, а преступности (то есть насилия) было несопоставимо меньше. И сделать нехитрый вывод: рост насилия в обществе обусловлен, наоборот, распущенно-

стью, которая, в свою очередь, есть следствие безнаказанности.

Второй тезис выглядел несколько более казуистично, и его мнимую правоту удалось подтвердить, поставив в неловкое положение одну из статисток в телестудии. К ней подошла психолог, эксперт передачи, и задала вопрос, который можно считать модельным. Возможно, его теперь будут часто задавать в аналогичных дискуссиях.

— Мало ли чем моё поведение Вам не понравится?! Вы же не будете меня бить?!

Ошарашенная столь неожиданной постановкой вопроса, женщина смущённо пролепетала: «Нет, конечно, не буду».

— А почему тогда ребёнка Вы можете шлёпать? — наседала психолог.

Такое логическое построение окончательно смутило вопрошаемую. Она была застигнута врасплох. Наши люди вообще склонны робеть от апломба, от напора, от наглой безапелляционности собеседника. Ведь не растеряйся она, можно было бы ответить примерно так:

— Если Вы не видите разницы между моим маленьким сыном и собой, Вам, пожалуй, стоит проконсультироваться с врачом. Когда человек не различает своих и чужих, это довольно тревожный симптом. Сына я родила, кормила грудью, вытирала ему попку, вожу в детский сад. А Вас, мадам, я разве кормила грудью или сажала

на горшок? Да и шлёпать Вас уже поздновато. Хотя в детстве, может, и стоило бы.

Впрочем, ток-шоу изначально не предполагает честной дискуссии. Ну, а если кто-то искренне не понимает, зачем нужно наказывать детей, что ему ответить?

Зачем нужно наказывать детей

Прежде всего наказание существовало у всех народов во все времена. Значит, в этом был какой-то глубокий смысл. Самонадеянно думать, что все до нас были дураками и садистами, а мы, такие умные и гуманные, наконец-то всё устроим, как следует. Такое отношение к предкам есть самый натуральный грех хама. Но даже если отвлечься от этических соображений, то вполне логично предположить, что воспитательная мера, прошедшая проверку тысячелетий, доказала свою эффективность. По мнению крупнейшего детского психиатра профессора Г.В. Козловской, воспитание по своей природе вообще очень консервативно, поскольку принципиальные новации в этой сфере слишком рискованны. Ведь последствия неудачного эксперимента отрицательно влияют не только на «подопытных кроликов», но и на будущие поколения. Становясь родителями, жертвы таких, прямо скажем, преступных неудач воспроизводят ошибочные воспитательные модели, которые применялись к ним самим. А нередко и вовсе не имеют потомства, потому что либо не хотят, либо не доживают до детородного возраста, преждевременно подорвав здоровье распутной жизнью или погибнув из-за своего безрассудства. Собственно говоря, мир уже сто с лишним лет воочию наблюдает чудовищные последствия экспериментов по воспитанию «новых людей» с «новой» моралью и нравственностью. Чем больше экспериментов, тем стремительней деградация и даже физическое вырождение целых наций. Но, увы, далеко не все делают из этого соответствующие выводы...

Что касается физических наказаний, то они применялись (и применяются) в тех случаях, когда не действует слово. А не действуют оно по разным причинам: одних людей захлестывают эмоции, и слово тонет в этом эмоцио-

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

нальном водовороте; другими овладевает такой сильный дух противоречия, что им словесные увещевания — как горох об стенку. Особенно часто разум бывает слабее эмоций у детей. Чем младше ребёнок, тем ярче это несоответствие выражено. Кора головного мозга, отвечающая за сознание, формируется довольно долго, и у дошкольников она ещё в стадии формирования. Поэтому подкорка, отвечающая за сферу впечатлений, не всегда может быть удержана под контролем разума.

Согласно учению академика И.П. Павлова, у человека есть первая и вторая сигнальные системы. Первая даёт возможность воспринимать внешний мир системой анализаторов, т.е. органами чувств, они существуют не только у человека, но и у животных. Вторая же, словесная, или система речевых сигналов, присуща исключительно человеку. Только человек способен формировать отвлечённый от обстоятельств образ. Пока ребёнок маленький, воздействие на его первую сигнальную систему бывает более продуктивным. Наши предки ничего не знали ни про кору, ни про подкорку, ни про две сигнальные системы, но эмпирический опыт, передававшийся из поколения в поколение, с успехом им эти знания заменял. Совет наказывать физически, пока дитя помещается поперёк лавки — разве эта народная мудрость не соответствует куда более поздним научным открытиям?

По мере взросления ребёнок становится более разумным, управляемым, на него лучше действуют словесные аргументы. Он начинает понимать иные виды наказания, логическую связь проступка и его печальных последствий. К примеру, «если ты будешь вести себя так-то и так-то, не получишь того-то и того-то». Но и в более позднем возрасте бывают ситуации, когда острое состояние аффекта затмевает разум и отрезвить человека можно только физически.

Слушая гневные филиппики о недопустимости физических наказаний, мы очень хотели бы получить ответ на такой вопрос: как вести себя отцу, если в его присутствии шестнадцатилетний сын (по международной классификации ещё ребёнок), требуя денег, оскорбляет мать, которая по каким-то причинам ему отказывает; а когда отец пытается его остановить, бросается на него с грязной руганью и кулаками? К сожалению, при нынешнем упадке нравов такая картина вполне реалистична и порой её можно наблюдать даже в тех семьях, где дети никак не могли получить такой дурной образец от родителей. Наши оппоненты, конечно же, используют свой любимый довод об ошибках воспитания, о том, что ребёнка упустили и раньше надо было думать. Пусть даже так, хотя и это спорно: у кого-то были ошибки, а у кого-то нет. В обстановке такого оголтелого растления, как сейчас, и подросток из хорошей семьи может повредиться. Но не надо уклоняться от ответа на вопрос: что делать в данном конкретном случае? Кротко подставлять себя под удары и не защищать жену? А, может, «для урегулирования конфликта» выдать требуемую сумму и даже несколько её увеличить? В расчёте на будущее, чтобы «смягчить негативизм ребёнка». Тогда, глядишь, он в следующий раз и обзываться будет не так обидно, и побьёт не так больно... Или всё же лучше скрутить мальчика и всыпать ему «по первое число», чтобы он малость опомнился и не считал отца трусливым дегенератом? Но наказывать Совет Европы запрещает. Даже шлепок приравнивается к истязанию. Какое там «всыпать»!

«Прыжок — и я в уме»

И всё это происходит в ситуации, когда так много делается для одурманивания детей и подростков, для отключения самоконтроля и сознания, чтобы вторая сигнальная система максимально заглохла. Растормаживающая музыка, навязчивая сексуализация, пиво, баночные коктейли и компьютерные игры, «вышибающие мозги», мягко говоря, не укрепляют вторую сигнальную систему, то есть словесно-логическое мышление, а наоборот,

провоцируют раннее слабоумие. В таком состоянии человека бессмысленно пытаться ласковыми словами призвать к порядку. Это всё равно, что говорить в телефонную трубку с перерезанным проводом.

Вдова Осипа Манделштама Надежда Яковлевна в своих воспоминаниях рассказала о таком эпизоде из жизни поэта. По дороге в ссылку, в Чердыни, у её мужа начался острый психоз. Ей пришлось лечь вместе с ним в палату местной психиатрической больницы, поскольку его состояние требовало того, что на психиатрическом языке называется «надзор» — то есть неусыпного наблюдения. Но однажды она всё-таки уснула так крепко, что проснулась только в тот момент, когда Осип Эмильевич, истерзанный бредом преследования, уже выбрасывался из окна. Она успела лишь схватить его за рукав, но остановить не смогла. К счастью, попытка суицида оказалась неудачной. Поэт остался жив, отделавшись переломом руки. Манделштам очень страдал от физической боли, но от безумия не осталось и следа. Болевой шок «вправил мозги».

Потом он сам напишет об этом:
«Прыжок — и я в уме».

Поясним: в рассказанном нами случае из мемуаров Н.Я. Манделштам не содержится призывов ни к самоубийству, ни к выбрасыванию детей из окон. Более того, мы даже не призываем их бить! Но бывают случаи, когда все меры словесного убеждения и психологического воздействия исчерпаны и **физическое наказание является единственным способом включить разум**, простимулировать вторую сигнальную систему, вызвать охранительное торможение подкорки.

В этой связи нетрудно сделать вывод о том, что же на самом деле охраняет закон о запрете наказаний. А охраняет он прямо противоположное: беспрепятственное растормаживание подкорки, которое ведёт к губительному (нередко в прямом смысле слова!) расчеловечиванию.

«А что вы мне сделаете?»

Прекрасной иллюстрацией того, что нас ждёт, если мы последуем Совету Европы (нечаянная игра слов!), может послужить очерк о шведской школе, написанный русской женщиной, давно живущей в Швеции и работающей там учительницей. «Даже если подросток назовёт учителя проституткой, он практически не наказуем. Это может происходить из урока в урок. Кончится тем, что учитель поменяет место работы. Это будет лучшим выходом для учителя. Известны случаи, когда ученик одним ударом кулака привёл учителя в состояние инвалидности», — пишет Мария Густафсон в брошюре «Швеция глазами русской женщины» и делится воспоминаниями о своей собственной работе в шведской школе: «Одна девица задала мне вопрос. Получив ответ, она заявила мне в лоб: «Собачье дерьмо». Видимо, она была недовольна ответом, возможно, что я ответила не на её детском уровне. В другой раз подошёл ко мне за объяснением учащийся и, не желая вникнуть в задачу, стал орать на меня: «Я не понимаю! Почему такой ответ?» Пришлось мне напомнить ему, что он может орать на папу с мамой, если они ему это позволят, но не на меня. И это было в престижной школе!»

Если уж в Швеции, где народ куда более законопослушный и сдержанный (шведы даже разговаривают очень тихо), творится такое, что же ожидает нас? Простейшая бытовая ситуация. Ваш ребёнок прибегает со двора с рёвом — его обидел хулиган. Говорить «дай сдачи» бессмысленно. Он потому и прибежал к вам, что своими силами не справился: хулиган в полтора раза старше: вашему 7, а тому — 11. Что в таком случае делать? Вы хулигану уже не сможете сказать ни слова. Он тут же на вас «настучит»: дескать, вы унижаете его достоинство, применяете психологическое насилие (по определению Совета Европы пытаться вызвать у ребёнка чувство вины — это насилие). Обращаться к родителям хулигана, чтобы они повлияли на своего отпрыска, столь же бессмысленно. Запрет наказаний связывает их по рукам и ногам, скажут они. И, желая вас утешить, добавят, что сынок и их поколачивает.

Прогноз, как будет развиваться ситуация защищённой законом безнаказанности, сделать

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

нетрудно. Подростки, которые в силу своих возрастных особенностей любят испытывать границы дозволенного, могут ошалеть от наглости и терроризировать взрослых своими издевательствами под вопросительно-ёрническое «А что вы мне сделаете?».

И действительно, что можно будет сделать в таких условиях? Только униженно опустить голову, в который раз почувствовать своё тошнотворное бессилие. Особенно тяжко это скажется на мужчинах, ведь для них вопрос соблюдения иерархии более значим. Они по своей природе более амбициозны, чем женщины, больше стремятся властвовать и, соответственно, более остро переживают своё бессилие, свою немощь перед «младшим по званию». Нетрудно предсказать, что это вынужденное унижение неминуемо приведёт к ещё большему росту алкоголизма, наркомании, неврозов и импотенции (физиологическая немощь часто бывает следствием психологической), — короче говоря, всех тех явлений, которые отнюдь не способствуют нормальной семейной жизни, устойчивости браков и, соответственно, решению демографических проблем, ребром стоящих сейчас перед нашим государством. Напротив, можно с высокой степенью вероятности предположить дальнейший рост разводов, а также увеличение числа людей, не желающих вступать в брак и иметь детей в такой дикой, противоестественной обстановке. Что ж, их вполне можно понять.

Поподробнее остановимся и на том, какая же личность формируется, если единственная мера воздействия на ребёнка — это угрозы. А что ещё? Больше ничего не остаётся. Физически наказывать нельзя — это «истязание». Что-то запрещать — «насилие». Отказывать в чём-то — «дискриминация». Попробуй-ка оставить провинившееся чадо без ужина (распространённое некогда наказание, применявшееся даже в монарших семьях), схлопочешь обвинение в том,

что моришь ребёнка голодом, и, вполне вероятно, получишь срок.

Кто-то скажет: «Наказывать нельзя, но зато можно поощрять. Это тоже прекрасная воспитательная мера».

Ошибаетесь. С поощрением тоже не всё так просто. Во-первых, потому, что ребёнка особенно нечем поощрить, ведь ему, вне зависимости от его поведения, гарантировано такое количество разнообразных благ, что он пресыщен и почти ничему не радуется и не удивляется. Уже сейчас многие родители, взявшие на вооружение (пока, правда, добровольно) принципы «недирективной педагогики» и «партнёрских отношений» со своими детьми, жалуются, что не знают, чем детей поощрять. То, что им хочется (например, целый день до опупения играть в компьютер), заведомо вредно, большинство же остальных детских радостей им приелось. А во-вторых, выдвижение условий (например, «прежде чем съесть конфету, помой руки») может быть сочтено недопустимым давлением и даже шантажом. В Финляндии, как многие, наверное, помнят, у Валентины Путконен на этом основании дочь отобрали и поместили в приют.

— Ну, а похвала? — не хочет сдаваться читатель. — Есть дети, с которыми, между прочим, только по-хорошему нужно...

Увы, неутомимый спорщик, видимо, ещё не понял, что **законодательный запрет наказаний формирует принципиально другую реальность, в которой не только наказания, но и все прочие воспитательные меры фактически отменяются.** Воспитывает ведь старший младшего: родитель — ребёнка, учитель — ученика. И наказывать, и поощрять может только старший младшего. Маленькие дети этого порой не понимают и пытаются «наказать» маму или папу. Но им обычно с добродушным смехом объясняют: «Сперва вырасти большой, стань папой — тогда будешь своих детей наказывать».

В новой системе координат, где дети властвуют над взрослыми, взрослый лишён возможности использовать и такой воспитательный приём, как оценочная похвала. Он может ребёнку льстить, говорить комплименты (если ребёнок готов их выслушать), но он не имеет права пытаться с помощью похвалы регулировать детское поведение («дай Ване поиграть машинку, ты же добрый мальчик... Вот молодец, отлично!»). Это ведь тоже «давление», «навязывание собственных стереотипов» и «чужого жизненного сценария». «Добрый мальчик», может, не хочет быть добрым, а хочет быть жадным! Это его право, его выбор.

У нас уже довольно давно, в 2004 году, издана книга американского автора Марка Льюиса «Согрешить и победить». Там без обиняков заявляется, что семь смертных грехов созданы «исключительно в целях сдерживания нашего развития». И никакие это не грехи, а добродетели, делающие жизнь более успешной и счастливой. В частности, жадность — это «незнание пределов собственного желания». «Возжелай бизнес ближнего своего. Это называется конкуренцией, а конкуренция — это хорошо».

В такой парадигме «добрый мальчик» — это какой-то неконкурентоспособный лопух. Ничего себе, похвала! Появилась и сцепка ранее не совместимых понятий: жадность провозглашается признаком ума. Даже было специально сконструировано слово «умножадный». Долгое время оно красовалось на уличной рекламе какой-то бытовой техники, а в Интернете создан сайт «для умножадных». Возвышение, облагораживание порока, реабилитация смертного греха идёт вовсю.

Итак, дозволительны только уговоры. И то лишь до тех пор, пока «свободный атом» вам не прикажет заткнуться — дескать, «достали». **В результате для новой реальности формируются новые дети: привыкшие считать своё «хочу» самым главным аргументом, а себя — центром**

мироздания. Не привыкшие терпеть, преодолевать трудности и чем-то жертвовать даже ради самых близких, не говоря уж о дальних.

Кому это выгодно?

Может сложиться впечатление, что это портрет некоего пуленепробиваемого эгоиста, некоей пусть неприятной, но несгибаемой личности. Многие родители именно так и считают, и это служит им некоторым утешением. «Ну да, он грубый, на нас плюет, никто ему не указ, — думают они. — Зато сумеет настоять на своём, ни перед кем не будет прогибаться».

Но воображаемое светлое будущее их чада, которое рисуется любящим родителям, не имеет ничего общего с будущим реальным. Ребёнок, который не привык терпеть, смиряться и преодолевать трудности, растёт капризным и изнеженным. У него не формируется стрессоустойчивость, а значит, он легко впадает в депрессию, невротизируется. Особенно это калечит мальчиков, ибо от мужчин по самой их природе и жизненным ролям требуется больше стойкости, выдержки, великодушия и благородства. А капризные эгоисты на это совершенно не способны. Они психологически слабы, склонны к панике, по-женски истеричны (по-женски, потому что «истерия» в переводе с греческого — «матка»). Их ничего не стоит запугать и сломить, подбить на подлость и предательство. Пока они под прикрытием родителей, которыми помывают, им море по колено. Но стоит этого прикрытия лишиться — их можно брать голыми руками. Что, разумеется, очень выгодно садистам, педофилам и прочим негодьям.

Зарубежные правозащитники свидетельствуют, что этих нелюдей в ювенальных структурах более чем достаточно. Йохан Бекман, отстаивающий в Финляндии права женщин, у которых ювенальные службы отняли детей, заявил на пресс-конференции, состоявшейся в июне 2010 года в «Интерфаксе», что социальные работники в ювенальной системе «могут делать всё, что угодно, так как их никто не контролирует». «Очень часто, — сказал Бекман, — социальными работниками становятся садисты, получающие удовольствие от издевательств над жертвой».

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

Обратите внимание: родителям запрещается детей наказывать, а извергам ювеналам разрешается (негласно, конечно) их мучить и истязать. А может, это одна из целей такого с виду гуманного закона, охраняющего детей от родительского шлепка?

Право наказывать как атрибут власти

А теперь задумаемся, почему чужой человек не может наказать ребёнка, а родные могут? Дело в том, что право наказывать тесно связано с понятием власти. Кто имеет власть, тот и может наказывать. Если один человек убьёт другого, даже имея на это веские причины, он совершит преступление. Если же государство того же самого человека приговорит к смертной казни, это будет не преступление, а наказание. Или, скажем, кто-то решит поймать своего должника и заточить в подвале за неуплату. Даже если должник злостный, а сумма большая, мстительный кредитор — это преступник. По закону он должен обратиться за разрешением своей проблемы в суд, и государство в лице судьи решит, какую меру наказания заслуживает должник. Государство — власть, поэтому оно имеет право и наказывать. Конечно, люди порой вершат самосуд: карманному вору могут просто накостылять. А он — знает кошка, чьё мясо съела! — в милицию на это не заявит, хотя формально по отношению к нему совершено преступление. Но это скорее исключительный случай. В целом люди не оспаривают право государственной власти наказывать граждан. Споры идут лишь о том, что считать преступлением и какое наказание ему адекватно.

Дети до определённого возраста (в разных странах по-разному) не подлежат уголовной ответственности, т.е. государство их не наказывает. Но чтобы они не росли наглыми и безответственными, пополняя ряды преступников, государство

делегирует право наказания ребёнка *семье*. Тем самым оно признаёт власть семьи, её особую роль: обязанность родных — ребёнка воспитывать, а воспитательный процесс включает в себя и поощрения, и наказания. Это очень мудро, потому что родительская власть особая. Она смягчена и облагорожена естественной любовью к детям. И у ребёнка с родителями особая связь. Он переносит наказания от них с гораздо большей лёгкостью, чем от чужих людей, потому что любит родителей, даже когда на них сердится или обижается. Ярчайшим образом это проявляется у малышей. Мама его нашла или чем-то пригрозила, а он заплакал и бежит к ней же за утешением. Такой порядок вещей установлен самим Богом, и отменять его очень опасно, потому что всё начинает трещать по швам.

Неподсудные до гробовой доски

Если родители лишаются права наказывать, они перестают олицетворять для ребёнка власть, и он, не пройдя школу послушания в семье, не подготовлен к гражданскому подчинению власти государственной. Привыкший к безнаказанности, он, по достижении совершеннолетия, не сможет в одночасье перестроиться. А во многих случаях не перестроится никогда. Слишком сильны окажутся усвоенные с детства стереотипы своевольного поведения.

Когда осенью 2009 года мы присутствовали на «круглом столе» по ювенальной юстиции во французском посольстве, французские правозащитники, расхваливая результаты своей «реабилитационной работы с детьми, находящимися в конфликте с законом», вынуждены были признать, что взрослая преступность во Франции неуклонно и стремительно растёт (то же самое происходит и в других «ювенальных» странах). Спрашивается: откуда столько взрослых преступников, если ювенальные структуры так хорошо занимаются профилактикой правонарушений и так результативно реабилитируют «конфликтующих с законом»?

Ответ на этот вопрос не требует больших умственных усилий: до 18 лет «детшек» выводят из-под ответственности, а потом приходится отвечать.

Чтобы уменьшить диспропорцию, отбиться от обвинений в неэффективности реабилитационной работы (во Франции, да и в других странах со сходными тенденциями растёт недовольство ювенальной системой, и всё чаще раздаются призывы сделать более строгими наказания несовершеннолетних преступников), обеспечить новые рабочие места и дополнительные денежные вливания, защитники прав детей стремятся повысить возрастную планку для привлечения к ответственности. «Чтобы быть судимым, — говорят они, — надо находиться в состоянии различения».

Человек может быть совершеннолетним, но не осознавать, в чём дело, не понимать, что он совершил. На эту тему мы надеемся поговорить когда-нибудь более подробно. Пока лишь отметим, что речь не идёт о глубокой умственной отсталости или помрачении рассудка вследствие тяжёлого психического расстройства. Имеются в виду нормальные люди, которых путём различных ухищрений пытаются, как подростков, увести от наказания. Если так дело пойдёт, возраст осознания может отодвигаться всё дальше и дальше от совершеннолетия и, наконец, совпасть с возрастом земной жизни человека. Детство будет незаметно перетекать во впадение в детство. Особенно если отменить наказания, меры, посредством которых родители помогают ребёнку осознать свою вину, когда он собственными силами этого сделать не может или не хочет.

«Кого отец любит — того наказывает» — гласит народная мудрость. На первый взгляд, это может показаться странным, ведь любовь ассоциируется с лаской, нежностью, поощрением, короче, с «позитивом». Но это лишь на первый взгляд. «Детей надо как следует баловать, тогда из них вырастают настоящие разбойники», — со знанием дела говорила в пьесе

Евгения Шварца «Снежная королева» старая разбойница.

Любовь и долг родителей

Но у родителей, если они сами не разбойники, прямо противоположные цели: вырастить детей честными, добропорядочными людьми. Поэтому если не любить ребёнка, если не волноваться за его будущее, тогда — да, не надо удерживать его от зла, не надо наказывать, не надо ограничивать, не надо поучать и наставлять. То есть, даже если не верить в существование загробной жизни, а ограничиться рамками жизни земной, родители, которые любят детей, не могут в каких-то случаях обойтись без наказания. Причём любящее родительское сердце страдает от этого наказания порою гораздо больше, чем сердце ребёнка. Родителю и самому легче было бы не наказывать, он часто заставляет себя это делать усилием воли, понимая, что иначе нельзя, что это его долг.

Ну, а если верить в Бога и, соответственно, осознавать, что главная обязанность родителей — заботиться о спасении души ребёнка для вечной жизни, то слова приведённой чуть выше поговорки становятся совершенно очевидными и непреложными. Человекоугодие не есть любовь. Хотя, конечно, родительские наказания не должны иметь ничего общего с изуверством.

Поборники отмены наказаний лишают людей возможности исполнить свой родительский долг. Иными словами, они фактически принуждают взрослых к страшному греху — отказу от борьбы за души детей. А это, в свою очередь, не даёт семье выполнить своё главное назначение: быть малой церковью. Задача церкви, как большой, так и малой, — вести её членов по пути спасения. Семья, как и церковь, иерархична. Иерархия нерасторжимо связана с послушанием младшего старшим. Поэтому послушание

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

детей родителям всегда считалось главной детской добродетелью. Святой праведный Иоанн Кронштадтский называл послушание «царицей детских добродетелей». Родительская же власть в малой церкви — это вовсе не тирания и не самодурство. Она дана Богом для того, чтобы родители приучали детей жить по заповедям и использовали для этого все властные рычаги.

Конечно, попытки унижить Бога всегда оканчиваются провалом, потому что Господь всемогущ и поругаем не бывает. Но попытки заставить людей отказаться от божественных установлений и тем самым погубить свою душу нередко увенчивались успехом. Наша страна ещё не оправилась от предыдущего богоборческого натиска, когда власть навязывала народу атеизм. Второй богоборческий погром на столь непродолжительном в историческом масштабе отрезке времени наш духовно ослабленный народ вряд ли выдержит. Ювеновская революция его добьёт. А о том, что это именно революция, открыто заявляют её вожаки. Директор информативной службы ЮНИСЕФ Клер Бриссе, «одна из самых значительных фигур защиты детства во Франции», прямо заявила: «Революция только начинается. Работы впереди ещё много». (Она имела в виду искоренение всё того же якобы «жестокости отношения к ребёнку».)

Что ж, полезное для нас признание. К нему стоит прислушаться тем, кто до сих пор убаюкивает себя мыслью, что запрет наказаний — это какая-то частность, мелочь и, в сущности, даже неплохая штука. **В.Ш**